

2. Журавльова Т.Г., Сілінська О.І. Оптимізація навчання іноземної мови студентів немовних спеціальностей (мотиваційний аспект) / Т.Г.Журавльова, О.І.Сілінська // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки : наукові дослідження, досвід, пошуки : зб. наук. пр. – Харків, 2009. – Вип. 14. – С.87-95.

3. Куницяна, В.Н. Трудности межличностного общения: дис. докт. психол. наук / В.Н. Куницяна. – СПб., 1991. — 358 с.

4. Пономарева М.А. Эмпатия как профессионально важное качество эффективного руководителя / М.А. Пономарева // Республиканская научно-практическая конференция. – Мн. : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2007. – С. 141-144.

5. Чебикин О.Я., Дегірменджі Е.В. Психолого-педагогічна модель інтенсивного навчання іноземної мови студентів / О.Я.Чебикин, Е.В.Дегірменджі // Психологічні перспективи. – Луцьк, 2010. – Вип. 16. – С.288-298.

Подано до редакції 11.03.13

УДК 159.9 316.6

О. Е. Духнич

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОХРАННОСТИ И РЕТРАНСЛЯЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМСКИХ ТАТАР В АР КРЫМ

В статье приведены теоретические и концептуальные подходы к пониманию идентичности как объекта политического дискурса, феномена реального взаимодействия на групповом и межгрупповом уровне. Представлен анализ актуального состояния идентичностей представителей крымскотатарской этнической группы, указаны тенденции к изменению содержания идентичности, определены перспективы и механизмы ее сохранности и ретрансляции. Статья заканчивается выводами о перспективах сохранности крымскотатарской идентичности в АР Крым, основных изменениях в их смысловом и содержательном наполнении в поколенном сравнении, рекомендациями относительно возможных путей построения политики идентичности в регионе.

Ключевые слова: этническая идентичность, идентичность, дискурс идентичности, крымские татары, политика идентичности.

Актуальные процессы формирования нации в Украине оказывают существенное влияние на судьбу социальных идентичностей, которые в свою очередь запускают основные механизмы консолидации, разделения, идентификации групп в обществе. К таким социальным идентичностям относятся: этническая, языковая, конфессиональная, культурная, региональная идентичности. Их статус, разнообразие и правовая защищенность являются важными параметрами оценки зрелости и стабильности общества.

В АР Крым задача сохранения этнокультурного разнообразия сочетается с вопросом о политической представленности и статусе трех этнокультурных групп: крымских татар, русских и украинцев. Для русских и крымских татар, проживающих в Крыму, этот вопрос также актуален и в более широком национальном контексте. В контексте разных подходов и различий в рассмотрении этих вопросов извне, на общегосударственном и на региональном уровнях, актуальным становится исследование возможностей сохранения идентичностей. В статье представлены результаты анализа фокус-групповых исследований и индивидуальных интервью, посвященных проблематике сохранности идентичностей, угроз их развитию и ретрансляции. Массив эмпирических данных исследования представлен 43 текстами, среди которых:

1. Транскрипции фокус-группового исследования

идентичности жителей Феодосийского района АР Крым, проведенного в пос. Курортное, (состав участников — крымские татары, русские, украинцы, (три фокус-группы).

2. Транскрипции фокус-групп с молодыми людьми, родившимися после 1989 года, состав участников — крымские татары, русские, украинцы (три фокус-группы).

3. Транскрипции индивидуальных интервью крымских экспертов ("opinion-makers").

Теоретические и концептуальные подходы к пониманию идентичности. Феномены *идентичности* как результата, и *идентификации* как процесса обретения идентичности, стали частыми объектами внимания современной психологической науки. В то же время абстрактный характер термина «идентичность», его активное употребление в различных контекстах, отдаляют читателя от понимания феномена идентичности как фактора и продукта реальных общественных процессов. Не менее сложно существование идентичности как исследуемого феномена, и здесь важно обозначить основные комментарии, отражающие исследовательскую позицию автора статьи.

Идентичности не существует в привычном нам понимании стабильных и конечных сущностей, это всего лишь теоретическая абстракция, которая описывает динамические процессы самоопределения, про-

исходящие с человеком и/или группой, в ходе которых субъект идентичности проводит множественные различия и устанавливает границы между собой и миром, означает мир в оппозициях: «мы-они», «свой-чужой», «я-другой». В случае социальных (коллективных, групповых) идентичностей к самоопределению индивида добавляется формирование коллективных смыслов и ожиданий [1].

Идентичность имеет дискурсивную природу, это всегда текст, который стремится описать нетекстовую реальность социального поведения. Понимание идентичности как дискурса избавляет нас от онтологизации идентичности (в частности, от коварства фразы «идентичность есть, существует»), и подчеркивает изменчивость и процессуальность идентичности, где любое измерение ее как феномена дает актуальный срез, но не дает целого [2]. Неудивительно, что идентичности как объект внимания науки всегда многообразны и множественны¹; в данном исследовании, респонденты определяли себя в терминах этнической, гражданской, национальной, культурной, региональной, языковой идентичностей, произвольно выбирая одни идентичности и отвергая другие. Это определило первоочередную задачу исследования – разобраться в многообразии подходов к изучению идентичности, не забывая о том, что такой исследовательский опыт всегда ближе к политике, чем к науке.

Психологический подход определяет двоичную природу идентичности. Идентичность существует как: 1) личная идентичность (personal identity) и 2) социальная идентичность (social identity). В первом случае идентичность определяется как тождественность человека самому себе, устойчивое представление о своем «Я» в пространстве и времени, полнота переживания самого себя в опыте жизни. При этом, представления о себе разделяются на знания о себе, к которым относятся пол, возраст, фактическая сторона жизни, и эмоциональные – раскрывающие оценочные отношения к себе, такие, например, как: «умный, удачливый, здоровый, счастливый, вызывающий уважение». Поведение человека в мире закрепляет личную идентичность и делает ее продуктом жизненного опыта.

Социальная идентичность определяет отношение человека к множеству реальных или воображаемых групп и общностей. Принимая групповую принадлежность, субъект наполняет ее индивидуальными содержаниями. Социальная идентичность на уровне личности существует как трехкомпонентная структура, включающая: (1) знание об идентичности (знание особенностей группы, ее истории, целей, структуры, функций); (2) эмоциональное переживание идентичности (эмоции и чувства, связанные с принадлежностью к группе, отношениями внутри группы, с позиции группового членства в коммуникациях с представителями других групп), (3) поведение идентичности

(поведение, которое человек осуществляет в качестве члена группы и которое фиксирует его идентичность). Представленные неравномерно, эти компоненты формируют разные типы идентификации с группой и разные возможности сохранения и развития идентичности. Например, социальная идентичность может переживаться человеком в качестве *идентичности категории*, факта, простого знания о принадлежности к группе без эмоционального переживания этой принадлежности; такая идентичность пассивна и не порождает поведения идентичности. *Идентичность членства* (знание и эмоциональное переживание собственной принадлежности к группе) определяет группу как реальную, имеющую четкие границы, значимую, требующую от человека определенного поведения; такая идентичность может существовать и на уровне эмоционального присоединения без знания, в последнем случае – чем меньше человек знает о группе идентичности, тем больше эмоциональных механизмов включается для поддержания идентичности. Социальная идентичность может фиксироваться поведением, как самого индивида, так и окружающих людей в отношении него.

Методические основания исследования. Начальная концепция исследования предполагала изучение сохранности этнических идентичностей, однако проведенное исследование и полученные результаты указывают, что исследуемые идентичности имеют более сложную структуру и не во всех случаях являются этническими как в переживании самих респондентов, так и в тех смыслах, относительно которых они организованы. В силу этого в качестве объекта исследования выбрана *многомерная групповая идентичность*.

Многомерная идентичность здесь и далее понимается как обладающая значимой ценностью, консолидирующим и мобилизующим потенциалом идентичность, задающая отличие группы от других групп в условиях культурного разнообразия. Исходя из поставленных задач, инструментарий исследования был разработан на основании качественных методов: глубинных и фокус-групповых интервью с целевыми группами. Таким образом, здесь и далее речь пойдет о смысловой структуре, разнообразии тенденций изменения идентичностей, особенностях переживания дискриминации. Интенсивность и выраженность идентичности, охват выявленными тенденциями генеральной совокупности каждой из исследуемых групп не может быть установлен в качественном исследовании. Вопросы инструментария, относящиеся к изучению идентичности, касались следующих положений:

1. Глубины рефлексии (степени осознанности) идентичности.
2. Содержательных и смысловых характеристик идентичности (как именно проявляется идентичность и как она фиксирована для человека, существуют ли внутри сообщества идентичности оппозиционные или альтернативные дискурсы идентичности)
3. Наличия передаваемого (ретранслируемого) содержания идентичности, механизмов передачи идентич-

¹ В англоязычном научном дискурсе часто употребляется словосочетание multiple identities – множественные идентичности.

ности, социальных институтов ее ретрансляции.

4. Наличия или отсутствия угроз существованию идентичности (дискриминация, ассимиляция).

5. Открытости группы идентичности (возможность стать субъектом сообщества идентичности).

Методом анализа материалов выбран дискурс-анализ, направленный на выявление специфических дискурсов идентичности, позволяющих судить о приведенных выше положениях. Дискурс-анализ осуществлялся на 2-х уровнях:

1) Уровень дискурсивных формаций – на данном уровне выявлялись альтернативные дискурсы идентичности – стратегии рассуждения об идентичности внутри группы идентичности. Существование нескольких разных интерпретаций идентичности и ее оснований в пределах сообществ – естественное явление. Как правило, такие интерпретации задают внутри группы разные видения того, что есть группа, каковы ее цели, что является ее приоритетами. Альтернативные дискурсы идентичности – основа политики идентичности, а потому нуждаются в анализе и изучении.

2) Уровень фрагментов дискурса и фигур дискурса – на этом уровне анализируются отдельные цитаты массива данных интервью, а также повторяющиеся смыслы и объекты внимания респондентов в рассказе об идентичности (так называемые фигуры дискурса). Уровень фрагментов дискурса позволяет получить необходимые данные о состоянии сохранности идентичности.

Основой анализа послужил текстовый массив интервью и фокус-групп, с делением на тексты экспертов и тексты обывателей, тексты различных возрастных групп. В качестве экспертов в исследовании обозначены представители групп, участвующие в формировании дискурса об идентичности. Всего в исследовании было проанализировано 45 единиц текста, из которых 38 – индивидуальные глубинные интервью, а 7 – тексты фокус-групповых исследований.

Крымские татары: особенности сохранности, развития и ретрансляции идентичности.

Идентичность крымских татар в текстах экспертов представлена двумя дискурсами идентичности, которые служат источником различающихся смыслов и приоритетов развития идентичности. Первый из них фиксирует в качестве значимого источника смыслов идентичности религию, второй – светскую культуру, крымскотатарский язык. Оба основания – чрезвычайно важные маркеры идентификации крымских татар, что подтверждается ответами респондентов-участников фокус групп, однако их значение для политики идентичности различно, на что указывает и встречающиеся фигуры противопоставления, сравнения и параллельного описания идентичности религии и идентичности языка в речи экспертов. «Есть категория, вот опять же, возвращаюсь к верующим, да, к мусульманам, есть категория, которая, вот, именно в силу каких-то завихрений отрицает национальное, говорят, что «я – мусульманин», то есть, есть такая категория, она появи-

лась – её не было раньше, потому что в ссылке, в Узбекистане все были крымскими татарами, без исключения. Сейчас есть «я мусульманин» - на первом месте, на втором уже будет «я – крымский татарин», есть такая. Ну, эта такая категория людей, мне кажется, ну, не более, там, пяти процентов. То есть основная самоидентификация – это «я – крымский татарин» (Интервьюер № 1, крымский татарин).

Дискурс о смыслообразующей значимости ислама в идентичности крымского татарина связывается субъектами дискурса с большим содержательным потенциалом идентичности, в том числе, этнической, реализованной через веру: «Основным является тот стержень моральный, плотный стержень, который формирует крымского татарина, его религиозная принадлежность. Я так понимаю: крымские татары на сегодняшний день не имеют чёткого выраженной национальной идеи, их единство должно строиться на сознании, на определенной идейности, потому что идейность – это такая штука, противоположная чувству. То есть на основе идеи человек может управлять своими инстинктами» (Интервьюер № 2, крымский татарин).

Религия, в отличие от языка, связывает людей рядом частных практик (обряды, пищевое поведение, религиозная символика) более разнообразных, чем язык. Последнее обстоятельство делает религиозную практику более консолидирующей, задающей внутреннее пространство идентичности, а также жесткость ее границ; такая идентичность более ощутима в силу того, что религия в отличие от языка реализует функцию индоктринации. Повествование об идентичности с акцентом на религии деполитизирует крымскотатарскую идентичность. Такой дискурс идентичности приобщает к контексту виртуальной исламской общности в большей степени, чем к реальной полиэтнической общности Крыма. Фактором, фиксирующим исламскую идентичность как основу этнической, является мифологема о раннем периоде формирования крымскотатарского народа, связанного с принятием ислама, при этом в отличие от веры язык и другие факторы культуры определяются как претерпевшие серьезные изменения. Это фактор интересен тем, что во втором дискурсе идентичности историческим источником смыслов идентичности выбирается другой период – а именно период существования первого крымскотатарского автономного образования и период депортации.

Второй дискурс идентичности в большей степени обращен к сохранению крымскотатарского языка, сохранения общности как этнической, чьи права защищены и признаются государством: «На мой взгляд, разные типы идентичности существуют. Прежде всего, доминируют два типа – по этническому и религиозному признакам. Сейчас в крымскотатарском обществе доминирует идентичность по этническому. Думаю, на сегодняшнем этапе сохранение и развитие языка имеют определяющий характер» (Интервьюер №3, крымский татарин).

Крымскотатарский язык не только обеспечивает

уникальность идентичности, но также существенно привязывает идентичность к региону, как исторически освоенной этнической территории. При этом крымскотатарский язык понимается как пространство существования этноса, угроза которому напрямую является и угрозой идентичности: «Для меня принадлежность к крымскотатарскому народу выражает мою сущность. Идентичности крымского татарина угрожает агрессивная русскоязычная среда, которая старается «переварить» человека. Если говорить обо мне, то в этих условиях, я должен приложить усилия, чтобы моя семья не утратила язык, сберегла собственную культуру и религиозную самобытность» (Интервьюер №3, крымский татарин).

Идентичность, связанная с приоритетом светской культуры, обращает носителя к сохранению идентичности через политическую и правовую поддержку, самоопределение и политическое признание народа. Интересным для этого дискурса является иная историческая фиксация. Сохранения языка и культуры было значимым фактором сохранения крымскотатарской идентичности в период депортации, в то время как религия в атеистическом советском обществе не могла выполнять аналогичных функций. В силу этого, этномобилизующий опыт светской крымскотатарской идентичности исторически связан с периодом депортации, борьбы крымскотатарского народа за возвращение.

Таким образом, современный дискурс крымскотатарской идентичности организуется вокруг двух смысловых центров – религии и языка, которые в дискурсе респондентов могут как объединяться, так и противопоставляться. В первом случае крымскотатарская идентичность с акцентом на религиозной составляющей трактуется как идентичность мусульманина в инокультурном окружении, сохранная через установление четких границ идентичности посредством религиозной практики, осознаваемых ценностных ориентиров, индивидуализированной духовной практики. Такая идентичность выглядит более закрытой. Во втором случае (крымскотатарская идентичность с акцентом на сохранении языка) – это идентичность этнополитической общности, сохранная через политическую представленность этноса на уровне региона и страны. Такая идентичность направлена на множественный диалог народа в поликультурном сообществе, ее границы больше определяются правовым статусом, чем рамками заметно отличающейся культурной практики.

Содержания и смыслы крымскотатарской идентичности как основа сохранности и ретрансляции идентичности.

Работа с анализом смысловых и содержательных аспектов крымскотатарской идентичности осуществлялась с массивом текстов двух фокус – групп. Первое, что следует отметить, крымскотатарская идентичность переживается респондентами обеих фокус групп как этническая идентичность, с характерным для этого типа идентичности естественным примордиализмом, обращенностью к прошлому, ощущением

межпоколенной непрерывности идентичности, исторической памятью, наследованием, собственной ролью респондента как ретранслятора идентичности от родителей к детям:

Группа крымских татар в возрастном периоде от 30 до 60 лет об идентичности:

«Получается, наши предки же родились здесь, в Крыму, и, как говорится, мы продолжаем эту жизнь, тоже считаемся крымскими татарами, потому что наши предки, постоянно нам говорили, что вы крымские татары, вы обязаны свой народ поддерживать, потому что очень сильно страдали, особенно в сороковых годах» (Ж., 36 лет).

«Ну для меня важно, что мои родители – крымские татары, и их родители – крымские татары, я сам – чистый крымский татарин» (М., 29 лет).

«Я сам – чистый крымский татарин. Для меня важно быть крымским татарин, я родился крымским татарин» (М., 29 лет).

Группа крымских татар в возрасте до 25 лет об идентичности:

«Достояние человека, которое осталось ему в наследство от предыдущих поколений, это своего рода очередь, которую человек должен занять и принять достойно в качестве идеологического ориентира» (М., 20 лет).

«Это значит быть представительницей народа, который формировал себя уже на протяжении многих сотен лет и в котором слились разные крови, можно так сказать» (Ж., 19 лет).

«Это значит иметь крепкие родственные отношения – не только брат, сестра – родные, а, в том числе, уважать старших, и второе и третье поколение – для меня это является быть крымской татаркой» (Ж., 18 лет).

«Обычаи и традиции передать будущему поколению, сделать всё, чтобы культура нашего народа не была забыта, не была утеряна» (М., 23 года).

Важное отличие переживания идентичности в двух представленных группах можно увидеть в частом использовании модусов «пребывать», «быть в идентичности» (более характерно для респондентов первой группы) и модуса «действовать», делать нечто (основной способ понимания идентичности во второй группе). Это указывает на два типа переживания идентичности – в первом случае, речь идет о фактическом, пассивном переживании идентичности здесь и сейчас. Во втором случае – респонденты говорят об активной преамственности идентичности, которая является не только состоянием, но и целью, направленностью идентичности в будущее. Фактическое пребывание в идентичности в большей степени характерно для людей зрелого возраста, не вовлеченных в процесс политики, их идентичность состоялась в акте возвращения на родину предков

Модус активного делания в идентичности, адресованный в будущее, хорошо выражает посыл одного из респондентов: «приехали, чтобы быть крымскими татарами» - он указывает на незавершенность и акту-

альную развернутость процесса формирования идентичности, который не заканчивается фактом возвращения на родную землю.

Таким образом, можно говорить о том, что крымскотатарская идентичность является актуальной и живой этнической идентичностью, направленной в будущее, связанной с потребностью сохранить народ. При этом молодыми крымскими татарами задача духовного возрождения и построения культуры народа, понимается в терминах преемственности как задача их поколения, делающего свой вклад в развитие идентичности.

Основные смыслы, фиксирующие крымскотатарскую идентичность респондентов таковы: Крым как этническая территория, этническое происхождение, язык, религия, политические институты и политическое самоопределение.

На сегодня два смысловых ядра, по мнению респондентов, однозначно определяют этническую идентичность – все участники фокус-групп обращаются к Крыму, как символической этнической территории и к родовой истории, позволяющей говорить о своей социо-биологической причастности к крымскотатарскому народу. В свою очередь, актуальность этих смыслов определяет борьбу за их сохранение (внутриэтнические браки, жизнь в Крыму). Интересно отметить, что молодые крымские татары – это группа респондентов, категорически отказавшаяся рассматривать индивидуальную миграцию в другие страны и регионы в поисках лучшей жизни.

Респондентам понятен потенциал языка как этнодифференцирующего основания:

«Язык, потому что мы говорим об идентичности крымскотатарского народа, а Ислам – я могла родиться турчанкой и точно так же быть мусульманкой, правильно? – А если уже различать, отличать что главнее, мне кажется, язык. Ислам – это мировая религия, язык – это идентифицирует один народ» (Ж., 19 лет).

Дискурс о религии еще более сложен. С одной стороны, ислам – безусловный этнодифференцирующий маркер крымскотатарской идентичности, особенно, в ином религиозном окружении:

«Много наших соплеменников уехали в Россию, стали православные, и автоматически потерялось, что они крымские татары. Религия – еще одно сильное отличие народа, ну я себе не представляю – крымский татарин и не мусульманин» (М., 20 лет).

С другой стороны, дискурс религиозности не тождественен современному концепту этнонациональной идентичности, а концепт религиозной этнической идентичности все еще испытывает инерцию атеистической советской культуры. Кроме того, ислам размыкает контур крымскотатарской идентичности в более широкий мусульманский мир, тем самым утрачивая характер универсального этнокультурного отличия.

Механизмы ретрансляции идентичности. Под механизмами ретрансляции идентичности мы понимаем способы и методы, благодаря которым идентичность передается как значимая и актуальная во време-

ни (межпоколенная ретрансляция от родителей детям через культуру семьи) и в пространстве (инкультурация, принятие идентичности людьми, ранее ее не имевшими). Если подобная ретрансляция внутри группы неуспешна или не происходит, говорить о сохранности идентичности и ее дальнейшем существовании вряд ли возможно. Ретрансляция идентичности предполагает не только передачу знания об идентичности, но и связанного с идентичностью поведенческого и эмоционального компонентов, только в таком случае идентичность действительно получает развитие как идентичность значимого переживаемого членства. Для крымских татар характерны следующие механизмы ретрансляции идентичности:

1. Межпоколенная трансляция идентичности, формирование идентичности внутри семьи. Большинство респондентов определяют свое значимое переживание идентичности как сформированное близкими родственниками, что является естественным механизмом передачи и закрепления идентичности. Определяющим для идентичности большинство из них назвало коллективную память и историю своего рода и семьи, вплетенную в историю народа.

2. Внутригрупповая социализация и обретение идентичности. Определяется формированием и передачей идентичности в сообществе, когда принятие идентичности является сознательным выбором человека. В случае крымскотатарского этноса, этот процесс можно определить как пробуждение идентичности, актуализированной социальным окружением. Этот механизм достаточно важен, поскольку позволяет сформировать фактическое сообщество идентичности здесь и сейчас:

«Для меня быть крымским татаринком – дань традиции... Я родился здесь, но вырос в России, так я себя не ощущал крымским татаринком, мать воспитывала меня одна, она это не могла полностью это дать, теперь я вижу взаимовыручку крымских татар, слаженность какую-то, мне это нравится» (М., 35 лет).

«Вот ещё лет 5 тому назад я не задумывалась, что для меня является быть крымской татаркой. Я потом сама проявила инициативу, мне стало интересно, я решила, что если мы придаём образ, у меня он в голове сложился, и я стараюсь ему соответствовать. А до этого я была обычным подростком, которые, как и все дети, в той же школе, как мои соседи – просто были жители Крыма. Я считаю, что быть крымской татаркой никогда не поздно» (Ж., 19 лет).

Второй механизм ретрансляции идентичности характерен для молодых крымских татар, которые осознают необходимость активного сохранения идентичности: «Дальше уже нужно заполнить практическим содержанием то, что мы называем «крымские татары» – культура, традиции и так далее. Здесь нужно развитие и идти дальше вперед. Поэтому возрождение, о котором вы говорите, да, оно имеет место, и оно имеет те вызовы, которые есть сегодня перед крымскими татарами» (М., 24 года).

Подобные установки формируют у молодых участников фокус-групп субъективное переживание крымскотатарского этнического и культурного возрождения, которое отчасти связано и с переосмыслением мифа крымскотатарского народа, его сдвига к позитивным смыслам (так, например, одной из инициатив молодых крымских татар была идея празднования не дня депортации, но дня возвращения крымских татар в Крым). Такое «переформатирование» идентичности указывает на ее живой и актуальный для членов сообщества характер.

Все обозначенные респондентами риски и угрозы идентичности можно разделить на внешние, связанные с социальным, политическим и правовым положением народа, и внутренние, связанные с оценкой респондентами мотивов, готовности и способности сообщества сохранять идентичность вне зависимости от внешних влияний. Первые достаточно хорошо отражены в политической риторике крымских татар, среди них:

1. Отсутствие полноценного преподавания крымскотатарского языка.
2. Социально-экономические проблемы, "латентная" дискриминация на рынке труда.
3. Отсутствие правовых механизмов обеспечения и поддержки этнической идентичности.

Гораздо менее известны «внутриэтнические» риски сохранности идентичности, какими их видят респонденты. В определении последних заметно различаются молодые и зрелые люди. С точки зрения зрелых респондентов, на сохранность крымскотатарской идентичности влияет возникновение внутри этноса новых религиозных и политических объединений, препятствующих консолидации. Крымскотатарская идентичность до сих пор мобилизуется за счет чувств, связанных с личным опытом депортации и репатриации; поскольку молодое поколение крымских татар, родившееся в Крыму, такого опыта не имеет, то их идентичность может быть слабее или в принципе трансформироваться в региональную идентичность «крымчанин». В рассуждениях молодых крымских татар отсутствует нормирующее отношение к межэтническому браку, скорее он полагается как редкое, возможное допущение.

Исходя из общей дискурсивной тенденции видно, что молодые крымские татары не настроены формировать собственную крымскотатарскую идентичность на традиционных для этнической идентичности социобиологических признаках, коллективной избранной травме (что иногда, со стороны более зрелых крымских татар понимается как «ослабление идентичности»). Более значимыми и важными для них являются запрос на политическую и правовую защищенность этноса, а также трансформацию и формирование образа (мифа) новой крымскотатарской уже этнополитической идентичности,

ЛИТЕРАТУРА

1. Questions of. Cultural Identity. Edited by. STUART HALL and. PAUL DU GAY. SAGE Publications. London • Thousand Oaks • New Delhi, 1996 – 208 p

связанной с новым опытом и качеством существования народа в АР Крым.

Подводя итог исследованию перспектив сохранности крымскотатарской идентичности, можно обозначить несколько тенденций:

1. Крымскотатарская идентичность в настоящее время переживается, сохраняется и ретранслируется как этническая идентичность, тесно связанная с Крымом как регионом идентичности. Для нее характерны и вертикальный (от родителей к детям) и горизонтальный (между членами сообщества) механизмы ретрансляции, ярко выраженная преемственность. При этом если более зрелыми людьми переживание идентичности понимается как пребывание в ней, трактуется в терминах совершенности и пассивности, то для молодых крымских татар переживание идентичности – активный деятельный проект.

2. Крымскотатарская идентичность сегодня фиксирована традиционными этническими смыслами: фактом принадлежности к этносу как социальному организму, историей рода, религиозной традицией, стремлением соблюдать социо-культурные границы этноса (негативное или нейтральное отношение к межэтническим бракам), а также смыслами трагичной истории депортации народа и возвращения на землю предков. Тем не менее, у молодых крымских татар отмечается запрос на формирования нового «мифа идентичности», в большей мере опирающегося на язык, политико-правовое признание народа, новый образ крымского татарина как представителя европейского народа, успех, но не травму. При этом религия становится практикой и консолидирующим смыслом приватной жизни. Смыслы идентичности, связанные с языком и политическим признанием, являются одновременно и целями, обеспечивающими идентичности горизонт будущего.

3. Порождающим альтернативные дискурсы идентичности является вопрос об основополагающих смыслах крымскотатарской идентичности. Респонденты выделяют светский и религиозный дискурсы идентичности. Первый связан со становлением идентичности крымских татар как этнополитического сообщества, представленного в качестве субъекта политики, где религия является внутренним механизмом консолидации этноса, направлена в зону приватного и не является основной позицией построения идентичности. Второй определяет крымскотатарскую идентичность как идентичность мусульманина в Крыму, сравнительно аполитичную, механизм сохранения которой связан с усилением религиозно-культурной составляющей идентичности народа, где религиозность является не только объектом приватной, но и более широкой социальной практики, проводящей отличие и границы крымскотатарской идентичности в поликультурном регионе.

2. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / Тишков В. А. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

3. Anderson, B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso

4. Brubaker R., Cooper F. *Beyond Identity // Theory and Society*. 2000. – N. 1. – Pp. 1-47

5. Кадио Ж. Лаборатория империи Россия / СССР, 1860-1940 1860-1940 / Кадио Жозе / Пер. с фр. Э. Кустовой. – М.: Новое литературное обозрение – 336 с.

6. *Myth and Nationhood*. G. Hosking, G. Schoplin. Hurst& Co Ltd., 1997.

7. Колодій А.Ф. Культурний плюралізм і етнонаціональна політика / Стаття за матеріалами доповіді на дев'ятій щорічній конференції випускників програм наукового стажування у США "Україна: подолання розбіжностей – розвиток особливостей".

Кам'янець-Подільський, 7 – 10 вересня 2006 р. // АГОРА. Випуск 4: Україна: подолання розбіжностей – розвиток особливостей.

8. Руа Олів є. Глобалізований іслам: пер. з фр. / Олів є ле Руа; НАН України, Ін-т сходознавства ім. Ю. А. Кримського, Центр близькосхідних досліджень – К., 2012. – 246 с.

9. Мацумото Д. *Культура и личность* / Д. Мацумото. – СПб. : ПИТЕР-Пресс, 2003. – 718 с.

10. Гнатенко П. И. *Идентичность: философский и психологический анализ* / П. И. Гнатенко, В. Н. Павленко. – К.: Арт-Пресс 1999. – 466 с.

11. Солдатова Г.У. *Психология межэтнической напряженности* / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

Подано до редакції 20.03.13